

необходимой обороне, не может выступать безоговорочным доказательством превышения пределов необходимой обороны, поскольку под таким превышением могут пониматься лишь умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Поэтому факт причинения смерти посягающему лицу не должен рассматриваться как безоговорочное свидетельство неправомерности оборонительных действий. Кроме того, все издержки, связанные с реализацией права на необходимую оборону, должны возлагаться не на обороняющееся, а на

посягающее лицо, поскольку именно оно первым проявляет агрессивные намерения. При этом посягающий не должен признаваться потерпевшим, поскольку вред ему причинен не преступлением.

Правильная оценка правомерности действий, совершенных в состоянии необходимой обороны, лишенная обвинительного уклона, позволит повысить активность граждан в деятельности по пресечению преступлений и других правонарушений, что, в свою очередь, будет способствовать задачам противодействия преступности.

Шеяфетдинова Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет,
МИРЭА – Российский технологический университет

Правосознание в осмыслении высшей меры наказания

Институт смертной казни как регулятор сопровождает право на протяжении тысячелетий, выводя на первый план его восприятие сквозь призму правосознания. Следует отметить, что вопрос об отношении к исключительной мере наказания продолжает оставаться неоднозначным, однако он еще более подгружается в детализирующую аргументацию сторонников и противников. При этом часто с водой выплескивается и младенец, то есть наслаивающиеся доводы, продиктованные другими видами общественного сознания (религиозного, морального и другими) затмевают попытку правосознания осмыслить ответы на главные аспекты в отношении смертной казни, а именно: «Должна ли данная мера наказания применяться, и если нет, что должно быть адекватной соразмерной заменой ей?».

Пожизненное лишение свободы, применяемое при моратории на смертную казнь и при отказе от таковой, может представляться правовым суррогатом, не всегда убедительным для правосознания каждого, потому что являет собой менее суровую меру наказания, самостоятельно назначаемую, а не привнесенную в законодательство дополнительно фактом отмены смертной казни или мораторием в ее отношении,

а это, в свою очередь, порождает вопросы соразмерности, справедливости, адекватности наказания содеянному. Замена же одного другим двух разных мер наказания (смертной казни пожизненным лишением свободы) считается меж тем приемлемым правосознанием инициаторов и лоббистов данного процесса. А повсеместная приемлемость этого правовым сознанием общества в целом пока не случилась. Не исключено, что из-за отсутствия веских аргументов применительно к позициям справедливости и соразмерности.

Обстоятельством, частично минимизирующим риски судебных ошибок при назначении смертной казни, мог бы послужить законодательно установленный дополнительный срок перед исполнением смертных приговоров (условно назовем это «предисполнительная пауза»), который бы послужил дополнительным основанием для проверки правосудности приговора наряду с существующими процессуальными механизмами. Однако предисполнительная пауза может быть эффективной только при добавлении дополнительных правовых рычагов, которые могут быть использованы только тогда, когда речь идет о высшей мере наказания (например, специальные

общественно-правовые комиссии, создаваемые для анализа конкретного приговора и конкретной личности осужденного). Подобное излишнее усложнение процессуальной деятельности обусловлено тяжестью, а часто и резонансом совершенного, оно окупается снижением риска осуждения невиновного, а это может повлиять на ключевые аспекты в правосознании при осмыслении рассматриваемой меры наказания.

Правовая реальность обуславливает отношение правосознания к смертной казни, будучи и обусловленным ею. В свою очередь, «бездумное применение исключительной меры наказания в полном соответствии с принципом талиона в сегодняшней жизни вряд ли возможно. Однако и бездумный отказ от идеи воздаяния равным за равное явно не способствует становлению правосознания, свободного от кризисных проявлений»¹.

Вариантом, стабилизирующим или переориентирующим правосознание, мог бы стать референдум по вопросу применения смертной казни. Осложняют ситуацию с возможным референдумом по данному вопросу международно-правовая позиция России, которая наложила мораторий на реализацию смертной казни под эгидой вхождения в Совет Европы.

Философия «преступникоцентризма», выражающаяся в преимущественной ориентации на права и интересы преступника по отношению к правам и интересам жертвы (в случае правового превалирования этого в законодательстве) должна все же корреспондировать с необходимостью учета прав и интересов потерпевших. Соответственно, распространенный в правовой практике иностранных государств запрет на приближение и установление контактов нарушителя с пострадавшим лицом и другие правовые меры могли бы символизировать нацеленность государства на интересы жертв преступлений (в вопросах государственной уголовной и уголовно-процессу-

альной политики), что, возможно, сделало бы правосознание части общества более лояльным по отношению к неприменению смертной казни.

Культурологическая разноречивость в вопросах принятия или непринятия высшей меры наказания правосознанием подразумевает приложение усилий государства на пути формирования таких концептов в правовой культуре, которые идейно аргументированы в правовых убеждениях правосознания смертную казнь бы не воспринимали. Однако активное подчеркивание только данной правовой позиции идеологически сужало бы маневренность государства в вопросах отмены или закрепления данной меры наказания. При необходимости отказа от моратория (или, наоборот, при включении смертной казни в перечень наказаний при отсутствии таковой) любому государству пришлось бы проделать титаническую идеологическую идейно-формирующую работу по обратному переакцентированию правового сознания. В противном случае власть легко было бы заподозрить в непоследовательности ее уголовной политики, что, в свою очередь, подорвало бы имидж сомой государственной власти. Соответственно, раздвоенность отношения в правосознании социума к смертной казни дает государству возможность заручиться поддержкой той или иной части общества.

Факт приемлемости или неприемлемости смертной казни из области чисто юридической переходит в область политического аргумента при решении тех или иных межгосударственных и внутригосударственных вопросов в погоне за сиюминутными политическими выгодами², обуславливая тем самым разницу мотивации, определяющую в том числе разноплановость отношения даже у профессионального и научного правового сознания правосознания к исключительной мере наказания.

¹ Малько А.В., Слободнюк С.Л. Смертная казнь, правовая реальность и кризис правосознания // Современное право. 2012. № 6. С. 6.

² Щетинин А.А. Смертная казнь в российской государственно-правовой системе: институциональный аспект : монография. Ростов-на-Дону : РЮИ РПА Минюста России, 2015. С. 106-108. URL: https://rostov.rpamu.ru/Media/rostov/Obuchauschimsia/Nauchye_trudy/Schetinin_smertnaia_kazn.pdf (дата обращения: 27.01.2020).

Влияние представителей определенных видов правосознания, в частности профессионального и научного, распространяется на тех, чье правовое сознание является обыденным, еще и тем, что «либерально ориентированные авторы, к которым относятся противники смертной казни, получили в последнее десятилетие XX в. контроль над рядом ключевых позиций в научной, публицистической, культурной и многих других сферах жизни нашего общества. Таким образом, обладая монопольным правом подачи, интерпретации, тиражирования информации, касающейся смертной казни, и, соответственно, неограниченной инициативой в производстве и распространении таких сведений, аболиционисты получили подавляющее, тотальное преимущество над консерваторами...»¹.

В заключение следует отметить еще один аспект, в перспективе требующий изучения, – правосознание исполнителей приговора, исследование которого необходимо в условиях реальной реализации рассматриваемой меры наказания.

Обращает на себя внимание и факт того, что одни и те же обстоятельства, связанные так или иначе с исключительной мерой наказания, по-разному влияют на формирование отношения правосознания к смертной

казни, давая посыл к согласию или несогласию с последней. При этом данная мера наказания, будучи злободневным фактором, используется в пропагандистских, идеологических и даже экономических целях, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на ее оценку правосознанием. В любом случае разные политические силы, заинтересованные в вербовке сторонников, стремятся активно воздействовать на правосознание общества с целью формирования идеи ее одобрения или неодобрения.

Кроме того, в правосознании может иметь место упор в охватывании им одних обстоятельств в ущерб другим, в частности максимальное акцентирование на возможных неправосудных приговорах (результатом чего будет смерть невиновного) и минимальное осмысление проблемы, связанной с условно-досрочным освобождением приговоренных к пожизненному заключению (что не исключает совершения ими новых преступлений).

Невостребованность учета отношения к смертной казни обыденным правосознанием, выражающаяся в игнорировании идеи референдума по поводу ее применения, еще раз подчеркивает не одинаковую весомость разных видов правосознания в вопросах их потенциального влияния на юридическое закрепление своей позиции.

Акиев А.Р.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Отдельные проблемы применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО) – это один из динамично развивающихся и применяемых институтов уголовного права, сущность которого состоит в освобождении осужденного от дальнейшего отбывания уголовного наказания при наличии установленных законом оснований и условий. В действующем уголовном законе сочетаются жесткость наказания по

отношению к обладающим повышенной общественной опасностью субъектам, совершившим преступные деяния, и регламентация разнообразных мер смягчения ответственности и освобождения осужденных лиц от дальнейшего отбывания наказания в случаях, когда такие лица достигают исправления до окончания установленного приговором суда срока уголовного наказания. Поэтому является актуальным не

¹ Ищенко Е.П. О применении смертной казни // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда. 2008. № 3. С. 23.